

Вырезка из газеты
КРАСНОЕ ЗНАМЯ

4 ФЕВ 1954

Харьков

Газета №

К 20-ЛЕТИЮ РУССКОГО
ДРАМАТИЧЕСКОГО ТЕАТРА
ИМЕНИ ПУШКИНА

Юрий Жбаков

Поздней осенью на Арбате, у здания театра имени Вахтангова остановился коренастый студент-первокурсник. Скользя взглядом по афишам, он дважды прочел извещение театрального училища о дополнительном наборе слушателей. Что ж, это любопытно, но его не касается. Он уже два месяца слушает лекции в текстильном институте. Он станет инженером, порадуется со временем советских потребителей красивыми, многоцветными тканями. Правда, он держал вступительный экзамен в строительный институт, а поступил в текстильный. Игра случая? А это неожиданное извещение? А то, что совсем недавно он был в школе участником драматического кружка, с несомненным успехом сыграл Годуна в «Разломе», Флоридо в «Слуге двух господ»? Подумать только, один из этих спектаклей состоялся на сцене МХАТ—шефа школы. Казалось, сами подмости, воздух кулис, веяние традиций обязывали не сплывать. И действительно, мастера МХАТ довольно качали головой, благожелательно улыбаясь. Ясное дело, их радовало дыхание молодости, юношеская непосредственность участников спектакля. Да и дружеские советы, зрелые указания шефов упали, видимо, на хорошую почву.

Размышляя об этом на ходу, студент Юрий Жбаков очутился у... здания театрального училища. А через несколько дней он предстал перед отборочной комиссией. Экзамен проходил в два тура. Все шло как по писаному. Басню, этот пробный камень естественности и простоты, он прочел выразительно. Несколько живых, искренних интонаций подкупили взыскательную комиссию. Эту роль на заданную тему—второй пробный камень—подтвердил творческие возможности претендента.

Быстро промелькнули годы учебы. «Жизнь в искусстве» началась для Жбакова в столичных театрах. Недолгий московский период его артистической деятельности сменился харьковским. Молодого актера потянуло в наш город. Он много слышал о старом мастере сцены Крамове, под руководством которого хотелось поработать. В свою очередь Крамов искал тогда исполнителя роли юного Ленина в пьесе «Семья».

Встреча с прославленным артистом, одним из создателей сценического образа Ленина, навсегда осталась волнующим эпизодом в творческой биографии Жбакова. По-разному складывается судьба актера. Путь к мастерству лежит обычно через взлеты и падения, восхождение на вершину связано со многими трудностями: приходится и оступаться, и брать разбег. Но о какой же вершине можно говорить, если речь

идет о молодом актере, если несыгранных ролей, невоплощенных образов гораздо больше, чем осуществленных? И все же свой харьковский период — период роста творческой зрелости — Ю. Жбаков начал с роли, которая должна была стать для него на какой-то отрезок времени именно вершиной. Ролью была такая, которая давала право только на большой и радостный успех, или... браться за нее нельзя было.

Окрыленный доверием, поддержкой, руководством мастера, Жбаков взялся... Он знал, что исполнение роли требует исключительной творческой собранности, что надо «все лучшие свойства в узел собрать, чтоб образ великий кристальным вышел». Так писал поэт В. Лебедев-Кумач об исполнении Крамовым роли Ленина, и эти проникновенные и теплые слова много раз повторял молодой актер. Путь к образу пролегал через глубокие раздумья, пристальное изучение сделанных Крамовым записей, собранных им материалов о вожде, через вживание в роль, постижение ее внутреннего строя.

И вот зритель увидел у обрыва на берегу Волги шестнадцатилетнего Володю Ульянова, услышал его спор с братом Александром, узнал сценический образ будущего народного вождя. Шаг за шагом раскрывался в исполнении Жбакова мужественный и обаятельный образ. Смелым и прямым, целеустремленным и глубоко принципиальным предстал перед нами молодой Ленин. От сценической традиции изображения зрелого Ленина актер взял живые и выразительные интонации, подвижность без суетливости, волевые и порывистые жесты. Но показ молодого Ленина требовал и новых красок — непосредственности и стремительности юноши, живой пылкости, нарастания страстной идейной убежденности. Актер нашел эти краски и завоевал признание зрителя. Бесконечно близкий каждому советскому человеку образ Ленина в его юные годы по-настоящему волновал зрителя-харьковчанина, а потом в гастрольных поездках театра — и киевлянина, и туляка, и донбасского шахтера.

И вместе с тем недостаток сценического опыта сказался на первой большой работе Жбакова. В четвертом акте, когда Ленин

уже превратился в «горного орла нашей партии», артист бледнее, чем в предыдущих актах. Не хватает ему внутренней теплоты в сцене свидания с матерью после ее возвращения из Петербурга. Но спектакль о юности Ленина стал, конечно, большим и волнующим спектаклем, а в творческой биографии артиста — подлинно этапным, крупной вехой.

Это была не просто первая серьезная работа Ю. Жбакова; она определила главную линию его последующего актерского творчества. После «Семьи» Жбаков выступал во многих ролях. Он нашел себя в положительных образах, и это

было закономерным явлением. Успех в роли молодого Ленина был не только следствием растущего актерского мастерства, правильно найденного пути к созданию образа, но и выражением коренных черт актерской индивидуальности Жбакова, тяготеющего по своим творческим данным к показу душевного благородства, к сценической обрисовке светлых и чистых людей. У актера повышенный творческий интерес к ролям этого плана. Ю. Жбакову легко и радостно было, например, играть в «Бронепоезде 14-69» китайского юношу Син Бин-у, который вошел полноправным членом в русскую партизанскую семью и совершил свой прекрасный подвиг в сцене у насыпи. Органически вошел в репертуар актера и смуглый, курчавый Цыганок из «Алексея Пешкова», попристый и трудолюбивый юноша, и хотя в исполнении артиста несколько приглушены ноты протеста, образ впечатляет своей жизненной типичностью. То же можно повторить об исполнении роли Гаврилы в «Горячем сердце» Островского, простого и честного русского парня, в душе которого нарастает глухой протест против «темного царства». Артист больше выявляет сердечность, человечность Гаврилы и слабо оттеняет начало протеста.

Большую задачу приходится решать всякому актеру, когда он вступает в борьбу со схемой, когда драматургический текст не дает простора для выявления характера героя. Так случилось у Жбакова с ролью Виктора Черкашина в «Яблоневой ветке», и если парторг факультета вышел у него живым, убедительным, то это потому, что

актер ломал схему, преодолевал риторику роли. С той же трудностью столкнулся артист и в роли молодого научного сотрудника Савина в «Откровенном разговоре». И здесь ему удалось вдохнуть жизнь в однообразно выписанный автором образ.

Каждая новая роль для Жбакова, как и для всякого серьезного и одаренного артиста, — это обогащение актерского опыта, соприкосновение с новым, интересным человеком, проникновение в его духовный мир. Артиста привлекает многообразие человеческих характеров, а чувство правды, творческая честность требуют их показа во всех гранях, со всей реалистической полнотой. Играет ли Жбаков радиста Паганели в пьесе Роже Вайяна «Полковник Фостер признает себя виновным», бригадира, а потом председателя колхоза Максима Орлова в «Свадьбе с приданым», или технолога Курицына в «Директоре», Артура Кинсэлла в «Законе Ликурга», артист избегает проторенных путей, однообразия красок, а стремится раскрыть богатство образа, понять внутреннюю жизнь героя и в меру драматургических возможностей осветить ласковым юмором роль. Правда, в роли Курицына комедийное начало вытеснило все прочее, и технолога зритель совсем уж не ощущает.

Особое место в репертуаре Жбакова занимает Лопухов в «Новых людях». Когда на сцене появляется этот собранный, с низким и твердым голосом человек, зритель не покидает ощущение его внутренней силы. Артист создал образ большого познавательного значения, не говоря уже о воспитательном.

Юрий Жбаков устами своего героя Виктора Черкашина обращается к нежному лескстам яблони, опаленной пожаром войны, но сохранившейся, устоявшей, снова покрывшейся пыльным цветом: «Важно, чтоб корни крепкие были, а жизнь зацветет, станет еще красивее».

У советской актерской молодежи глубокие и крепкие корни в нашей действительности, и оттого цветет ее творчество. И перед Ю. Жбаковым открыты новые светлые перспективы. Он показал, что успешно учиться находить путь к созданию полноправного сценического образа. Это — путь социалистического реализма, идейного роста и художественного совершенствования актера, умение жить в роли, входить в ее нутро, прислушиваться к голосу жизни, раскрывать духовную красоту советского современника. Зритель вправе ждать от Ю. Жбакова новых полноценных работ, которые явятся его послынным вкладом в наше идейное, страстное, правдивое советское театральное искусство.

Б. ПОДОЛЬСКИЙ.